

Отзыв

официального оппонента Губогло Михаила Николаевича на диссертацию Идиатуллова Азата Корбангалиевича «Динамика религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI в.» (599 с.), представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Для диссертационного исследования Идиатуллова Азата Корбангалиевича характерны безупречная методология и методика обследования, обширная источниковая база, достаточная по количеству и надёжная по качеству, глубоко осмысленный материал и тщательно обдуманные выводы.

Обсуждаемая в диссертации тематика, сюжеты и факты инициируют новые проблемы, оставшиеся за пределами опубликованной литературы, обрушившейся по религиозному синкретизму как снежный ком. В самом деле, синкретизм, как социальное и духовное явление, как реальность и как научное направление – это хорошо или плохо, добро или зло, он усиливает или ослабляет нормы и принципы морали и нравственности. Он проявляется в декоративной форме или как реальность? Подобен ли он этнической маргинальности?

Ключевая проблема в диссертационном исследовании Идиатуллова А. К. – **синкретизм религиозности**, подобно маргинальности в этничности, эклектичности в философии, породила в новом тысячелетии лавину литературы, десятки и сотни индивидуальных и коллективных монографий, статей, кандидатских и докторских диссертаций, часть которых обстоятельно и квалифицированно обсуждена в 1-й и частично во 2-й главе диссертации, из чего хорошо видно как

актуальность и общественная востребованность проблематики, связанной с избранной диссертантом темой исследования, так и остающиеся без ответа вопросы, в том числе по цивилизационной принадлежности синкретизма и его оценке в синкретической религиозности и в маргинальной этничности.

Соединение (синтез) генетически разнородных компонентов религиозного синкретизма суннитов, сложившееся в процессах длительных религиозных, этнических и языковых взаимодействий, потребовал от автора особой тщательности в употреблении «родных» и благоприобретённых терминов и понятий, с чем он успешно справился. Вместе с тем, наличие терминологического глоссария могло бы служить высшей оценкой культуры оформления итогов исследования. Впрочем, диссертант не виноват в том, что в правилах ВАКа не предусмотрена этимологическая акция по завершению диссертационного исследования.

Научная новизна исследования заключается в новаторском (системном и междисциплинарном) подходе к выявлению, введению в научный оборот и анализу природы религиозности татар и башкир путём фиксации триединой позиции, во-первых, фиксация знания различными группами населения «Грамматики ислама», т. е. канонической догматики и предписаний Корана («религиозная компетентность»), во-вторых, следование (или неследование) каноническим предписаниям в поведенческой стратегии («религиозное поведение»), в-третьих, выражение своего отношения к религиозной догматике и её реализации в практике повседневной жизни («мотивационная установка на религиозность»).

Этот трёхвекторный подход, обоснованный во 2-й и обстоятельно раскрытый в 3-ей и 4-ой главах, служит опорой для оригинального уточнения концепта «религиозный синкретизм», до сих пор не получившего окончательно утвердившегося признания.

Ещё одно новаторское измерение живой ткани религиозности исследования предоставлено ориентацией автора, целями и задачами его проекта на выявление трёхкратного эхо синкретизма в религиозной жизнедеятельности суннитов. С одной стороны, это эхо доисламских языческих представлений (элементы шаманизма, магии, сглазы, порчи, гадания и т.д.), с другой – канонические и культовые положения различных вариантов (течений и трендов) собственно ислама (например, соблюдение халяля) и, наконец, в-третьих импульсы иноисламских влияний, например, христианства. Хотя в последнем случае, не всегда удаётся выделить языческое происхождение некоторых обычаев, например, курбана, давно и плотно «приватизированного» иудейской и православной религией вместе с языческими ритуалами кровавого жертвоприношения в своих интересах.

Новаторский подход к выбору темы и проблематики исследования сказался не только в актуальности и общественной востребованности проблематики, но и в удачном выборе Среднего Поволжья и Приуралья, как объекта и примера исследования, хронологических и территориальных рамок, в эрудированном знании и оценке степени разработанности, в выборе цели и постановке задач исследований.

Впечатляет обширная, достаточная по масштабности и надёжная по убедительности, источниковая база, состоящая из официальных документов, в том числе впервые извлечённых из многочисленных архивов, нарративные источники и заметки краеведов, данные периодики, справочные и статистические издания, а также итоги этносоциологических исследований, проведённых диссертантом по разработанной самим программой и методике. Так, например, приложенная к тексту диссертации анкета «Религиозность и религиозная культура мусульманских народов России» (с. 517–521) насчитывает 46 вопросов, на которые получено 76

таблиц с двумерными распределениями (с. 551–599), что само по себе составляет важный исторический источник, пригодный для последующих лонгитюдных исследований. К сожалению, в автореферате и в тексте не отражена выборка и её соотнесённость с генеральной совокупностью и с программой исследования, что никоим образом не умаляет значения полученной информации, хотя и несколько снижает к ней доверие.

Новаторский подход к теме и проблематике исследования, а также положения, выносимые на защиту, открывает новые грани ассоциированности феноменов религиозности и этничности, что увеличивает теоретическую и практическую значимость работы и делает полезными и весомыми её выводы и рекомендации в использовании и в корректировке национальной и культурной политики в региональном и республиканском аспекте.

Некоторые, справедливые по сути выводы, хотя и вполне обоснованы и вызывают доверие, тем не менее выглядят незавершёнными. Так, например, утверждается, что «вовлечённость в мусульманскую культуру у башкирских студентов выражена более ярко», чем у татар (с. 273). Это положение автором обосновывается тем, что, во-первых, башкиры в меньшей степени испытали влияние деятельности православной миссии царской и Императорской России, во-вторых, формирование башкирской государственности требовало создания духовного управления, где башкиры играли бы более высокую роль, что привело к повышенному интересу башкирской молодёжи к исламу (с. 274).

Ещё одно не вполне корректное в менталитете суннитов толкование природы пережитков видно на примере интерпретации магии. По мысли автора верящих в магию среди башкир ПФО оказалось больше, чем среди татар (с. 338), благодаря влиянию русской культуры, которая «в большей степени секулярна, так как выполняет множество светских функций» (с.

338). Выходит, что источником заимствований языческих представлений служит русская культура, а не православие, сумевшее в своё время воспринять языческие обряды и верования и «эгоистично» имплантировать и адаптировать их в интересах христианской догматики.

Можно согласиться с автором, но вместе с тем предположить, что немалую роль в степени религиозности играет образовательный уровень: чем выше образование, тем ниже религиозность. По данным общероссийской переписи населения 2010 года на 1000 человек в возрасте 15 лет и старше башкирской национальности в Республике Башкортостан приходилось 142 специалиста с высшим образованием, среди татар – 183, т. е. в 1,3 раза больше.

Не менее спорным представляется тезис диссертации о том, что «первичная религиозность башкир, <...> как раз связана со стремлением компенсировать размытость этнической идентичности» (с. 270). На самом деле, на рубеже 1980-1990-х годов под влиянием мощной, подчас экстремальной этнической мобилизации молодёжи, особенно в столице Башкортостана, процессы политизации повышенной религиозности и этничности происходили стихийно (с. 3, 180–182). Диссертант хотя и не подчёркивает, но понимает известную декоративность религиозности студенческой молодёжи: среди них, пишет он: «Значительный удельный вес принадлежит молодёжи, придерживающейся ислама на уровне символики и не соблюдающей исламских ритуалов и представлений» (с. 273). Иными словами преобладают респонденты, которые при внешней приверженности исламу, почти не практикуют мусульманских обрядов.

Весьма ценными с научной и практической точки зрения, в том числе для учёта в национальной политике по российскому националстроительству, являются обнаруженная диссертантом тенденция положительного отношения суннитов к православным праздникам и

участия в их праздновании вместе с православными в знак солидарности. Согласно данным опроса около трети лиц, исповедующих ислам, праздновали Рождество и Пасху, считая их священными или же «скорее потому, что это принято в народе или в семье» (с. 409). Если мусульмане кушают куличи, а православные покупают конскую колбасу, изготовленную по канонам Халяля, - это ли не значимый пример внутрицивилизационного единения российской нации?

Этносоциологический опрос, архивные материалы и полевые наблюдения вместе с источниками позволили диссертанту сформулировать основные гипотезы и положения и представить к защите аргументированные доказательства их состоятельности. Три основные компонента религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья состоят из доисламских языческих воззрений, преимущественно из «исламизированного шаманства», догм ислама и мусульманства и нетрадиционных представлений. На двух этапах формирования и бытования элементов «исламизированного шаманства» (1918–1988 гг. и 1989–2016 гг.) видное место принадлежало гендерному аспекту.

В соответствии с общеисторической закономерностью смещения акцента от религиозной к этнической идентичности, на протяжении по крайней мере XIX–XXI вв. имела место, во-первых «трансформация религии из формальной системы норм и предписаний с предельно догматизированными, общедоступными установками в интимные, глубоко личные религиозные чувства» (с. 24), во-вторых происходило становление религиозного синкретизма в двух ипостасях: в форме «народного ислама» и «новых синкретических представлений», заимствованных, главным образом, из православия за счёт случаев перехода татар и башкир в православие, а также путём усвоения и освоения секулярных идей.

Указанный путь смещения означал последовательное осознания приоритета индивидуальных форм идентичности над групповыми. Не теряя ни религиозности, ни этничности, это был путь к утверждению **человечности**.

Высокой оценки заслуживает тонкая чувствительность диссертанта к соотношению религиозной и этнической идентичности в местах комплексного и дисперсного расселения суннитов. Вызывает, в частности, доверие вывод о том, что «татары за пределами Татарстана традиционно демонстрируют высокую степень первичной религиозности <...> оберегание религиозной и этнической самоидентификации» (с. 439).

Преимущественное сохранение элементов этничности и религиозности в иноэтнической и иноконфессиональной среде иногда сопровождается консервацией языка своей национальности. Известен, например, хорошо изученный «удмуртский языковой зигзаг», когда проживающая в Башкортостане группа удмуртов сохранила родным язык своей национальности лучше, чем в самой Удмуртской Республике.

Некоторые отмеченные в целом положительные суждения и положения автора, допускающие дополнительную аргументацию, не влияют на позитивную оценку принципиальных теоретических выводов и практических результатов диссертации.

Докторская диссертация Идиатуллова Азата Корбангалиевича «Динамика религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI в.» является оригинальным научным исследованием, выполненным в системе гуманитарных наук, находящихся на стыке с этнологией, социальной и культурной антропологией, этнографией. Хорошее знание литературы, наличие 22 публикаций в изданиях из списка ВАК, 5 монографий и ещё 28 статей, опубликованных в других научных изданиях, публичность и открытость результатов,

представленных в диссертации выводов, автореферат и статьи, адекватно отражающие основные положения диссертации, дают основание считать, что данная диссертация полностью соответствует требованиям, предъявляемым Положением о присуждении ученых степеней ВАК Минобрнауки РФ к подобным исследованиям по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, а её автор Идиатуллов Азат Корбангалиевич – заслуживает присуждение ему искомой учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Заведующий Центром по изучению
межэтнических отношений
ФГБУН Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской
академии наук, доктор исторических наук,
профессор

М. Н. Губогло

27 февраля 2019 г.

Официальный оппонент: доктор исторических наук (специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология), профессор Губогло Михаил Николаевич

Место работы официального оппонента: федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Должность официального оппонента: заведующий Центром по изучению межэтнических отношений

Адрес: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Тел.: 8 (495) 938-17-65

E-mail: guboglo@yandex.ru

